

К 1368764

Автограф

43

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

43

X1368764

Вологда

2006

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

СОДЕРЖАНИЕ

НОВАЯ ПОБЕДА ВОЛОГЖАН	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
Г. Брянчина, Е. Саблина, Н. Бушенев и др.	4
В МИРЕ РУБЦОВА	9
Новые находки А. Антуфьева	9
Г. Романишников	9
Автографы	10
А. Кузина	13
Музыка И. Белкова	14
Первый юбилей музея	16
ИЗБРАННОЕ	17
В. Серков, венок сонетов	17
Т. Черыгова	20
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	22
События	22
«Воскресенский проспект»	22
Сатира. П. Кузьмин	23
Сергей Есенин	24
Ю. Поляков	22
Книжная полка	25
КОРОТКАЯ ПРОЗА	26
Лауреат А. Цыганов	26
А. Бабичев	28
ГРАФИКА	30
В. Бакуненко «Юбилей ученого»	30
Лауреат П. Неймеш	33
Быть художником	33
На сюжеты Булгакова	35
Борис Малинин	37
М. Верхоланцев	38

На обложке журнала — экслибрис художника Н. Неймеша.

НОВАЯ ПОБЕДА ВОЛОГЖАН

В первом номере московского журнала «Юность» объявлены Лауреаты журнала за 2005 год. Среди них есть и вологжане.

Премии имени Владимира Соколова удостоены за публикации в журнале поэты Юрий Максин, Вячеслав Белков, Елена Саблина, Михаил Сопин (посмертно). Среди художников лауреатами стали мастера искусства экслибриса — Евгений Лебедев, Леонид Щетнев, Г. и Н. Бурмагины (посмертно), Виктор Кунташев (посмертно). Многие номера «Юности» щедро иллюстрированы их работами.

Премии удостоен также москвич Виталий Бакуменко, за серию очерков об этих художниках. Он постоянный автор «Юности» и вологодского журнала «Автограф».

А на обложку первого номера «Юности» за этот год вынесены зимние строки замечательного поэта из Устюжны Юрия Максина:

*Из года в год, из века в век
Русь рада нежному покрову.
Ей подобру и поздорову,
когда летит из неба снег.
А затихает снегопад —
выходит солнце из-за тучи.
Искрится Русь красой могучей
и радует открытый взгляд.
Сияют белые листы
седой равнины государства,
как след потерянного царства,
где были помыслы чисты...*

Стихи последних лет

Юрий МАКСИН

ПОСЛЕДНИЙ ПТЕНЕЦ

Знаю, чую: за дверью скрипучею
мнётся с черною вестью гонец...
Над обрывом, над самою кручею
приотился последний птенец.

У последнего — всё непохожее
на других, что давно на крылах.
Да и время, что суетно прожито,
растворило других в небесах.

А последнего надо бы выходить —
приласкать, накормить, обогреть.
На его непохожие прихоти
и безумства

сквозь пальцы глядеть...

Вы птенца в моём сердце загубите.
Лучше было бы сразу убить.
Вы его ни за что не полюбите,
но его нелегко позабыть.

Не родились гонцы непослушные,
что от двери уйдут без звонка.
Столько раз всё губили и рушили!
И язык не отсох, и рука.

Знаю, чую... Вы пеплом остыдите
на обрыве зажжённый костер.
Но, пока вы птенца не забудете,
не закончен еще разговор...

Андрей КЛИМОВ

ДВИНСКИЕ НОЧИ

Да, я с Двины...
Здесь Бог, потупив очи,
В белила обмакнул случайно ночи
И не забрал, испачканные, в дом.

И весь июль

над полем, и лесами
Они с небес такими, и свисают...
Мы эти ночи белыми зовем.
Казалось бы — истории пустяк...
У вас, наверно, было все не так!
Но я с Двины...

Николай БУШЕНЕВ

БЕСЫ

(по мотивам стихотворений
А. С. Пушкина)

«Буря мглою небо кроет...»
Ладно б небо. Только б так.
И внизу за чехардою
Наступает кавардак.

Грустно, люди! Путь наш смушен.
Сбились мы. Куда идти?
Вроде Путин не распутен,
Да распутье на пути.

Вот опять до основанья
Мир наш рушим. А затем
Водки с пивом разливанье
Да сливанье схим и схем.

Понадеясь, разуверясь,
Мы — на кукиш пшик менять!
То ли березь, то ли херес,
То ли ересь — не понять.

Затаиванья да застои,
В перестроечку игра
Было время золотое —
Догоняй позавчера!

Мир убогий, скот безрогий
Мильдардерам снёс гроши.
Для высоких технологий
Хватит низости души.

Приватчики да обвесы,
Буйный город, тёмный лес.
Вьются бесы, мчатся бесы
В направлении — «Прогресс».

Александр ДУБИНИН

* * *

Тут замешана любовь

И наказана публично...

Я, представьте, не готов.

Голова варит отлично.

В чем и дело — голова.

Оторвут — по приговору:

Даже если и права,

Даже если не права

И солгать способна с горя.

Сударь. Судьи. Человеки.

Все рогатые мужья.

Вы теперь правы навеки...

Извините, прав и я!

* * *

Я женщину как книгу допишу,

Не выпущу ревниво из объятий.

Свой главный подвиг совершу

У шлюхи на кровати.

Жизнь такова. Она достойна слез.

Так закрути сюжет ее иначе!

Еще вчера ты в будущее вполз

На сдохшей в прошлом веке кляче.

Увы, состарились и бабы, и друзья...

«Так ты же умер, Саша. Так нельзя!

Расхаживать по свету молодым.

Совсем уж юным! Пьяным в дым...»

Елена САБЛИНА

По просьбе читателей еще раз публикуем
стихотворение вологодской поэтессы

Е. Саблиной «Гроза», т. к. тираж нашего журнала невелик.

ГРОЗА

В майскую ночь

После долгой истомы

Город не спит, растревоженный громом.

Ибо ещё с Воскресенья Христова

Люди не слышали грома такого.

По коридорам зашаркали тапки,

Плачут младенцы и крестятся бабки,

Кто-то, едва запахнувши подол,

Шарит на полке родной валидол.

Спит только он, исхудавший и строгий.

После нелёгкой и долгой дороги

В майскую ночь возвратившись домой,

Мой ненаглядный, единственный мой.

Город не видит, хотя и не спит, —

Огненный конь над землею летит,

Ноздри вздымаю и жарко дыша,

Мощным копытом планеты круша.

Город не видит, как где-то вдали

Тихо копыта коснулись земли,

Как из развернутых громом небес

Быстрая молния канула в лес.

Вот уже мчится по тверди земной,

Сильные крылья сложив за спиной,

Сквозь буреломы и темные ели

К страстной, запретной, неслыханной

цели,

Мчится к далекой реке, за которой

Гасят огни растревоженный город.

И не увидел никто на земле,

Как он скакал, одинокий во мгле,

Как, обогнув монастырь и погост,

Огненный вихрь пролетел через мост,

Вот уже площадь, столбы, поворот,

Мокрые липы у ржавых ворот,

Вот покосившийся старый забор,

Куст бузины и тропинка во двор.

Вот он домчался, взвился и со стоном

Встал под распахнутым нашим

балконом.

Не просыпайся, единственный мой.

...Это за мной.

Валентин ПРОНИН

* * *

Скорее скжечь черновики,
Скорее раздарить журналы,
Спуститься в гулкие подвалы
И ждать единственной строки.
Или стремительно уйти
Тропой прерывистой и дальней,
Слагая мысленно в пути
Отчизне сказ исповедальны.

Вячеслав БЕЛКОВ

ВЕЧЕРНИЕ ДОЖДИ

Осеннюю порою года
Со мной печаль, со мной свобода,
И жду, когда слова придутся

Селенья моего народа
Совсем не балует погода —
И дождь, и ветер тут как тут...

Бумага и перо в руке,
Мне не хватает удивиться,
Чтоб почерка шальная птица
Опять пересекла страницу
На чистом русском языке.

Не умещается в строке
Природа, что-то ей не спится,
Встревожены деревьев лица,
Туман ползет невдалеке,
И поднялась вода в реке,

А дождь все продолжает литься.
Шумят деревья, ветер злится,
И всё, и даже время, длится
На чистом русском языке...

Валентин ШАГИНОВ

* * *

Т. Смирновой

Художнице, владеющей штрихом
Так тонко, так проникновенно,
Не надо говорить о том,
О чем твердят обыкновенно:
О композиции, рисунке и о прочем,
О ремесле (не будем упрощаться).
Она неподражаема! Короче,
Мы можем только восхищаться.

Череповец

Галина БРЯНЧИНА

* * *

О сколько раз была распята
И сколько раз с креста сошла,
Я, как больничная палата,
Юродивая у Христа.

Скрипят железные решетки,
Бьют барабаны марш-бросок,
Перебирая жизни четки,
От смерти мы на волосок.

Как тонок голосок ребенка.
Как истово рыдает мать.
Беззвучно стонет старушонка,
Я боль хочу у них забрать.

Владимир ТУРКИН

КОК

На военном корабле кок,
Он не просто матрос — бог!
Я всего лишь повар на земле.
Коком становлюсь на корабле.

Камбуз мой — это маленький рай!
Здесь пеку я на всех каравай.
В белоснежном одеянии весь,
Служить богом мне выпала честь.

Только «шкваркой» меня все зовут,
И обеда матросики ждут.
И попробуй-ка с ним опоздать
Не приходится милости ждать.
Тяжела у матросов рука,
Жизнь у бога, друзья, нелегка.

Вера ГУНДАРЕВА
г. Артем, Приморский край

* * *

Наказ сыновний, просьба ли, молитва:
«Россия, Русь! храни себя, храни!»
А на Руси — то недород, то битва,
То чёрный вторник, то другие дни.

Трагедии, душевные расколы,
Заказ, отстрел, пороки Сатаны...
Не так страшны татары и монголы,
Как сами мы для Родины страшны

Бездущием, что бьёт в свои ворота,
Бомжами без работы и угла.
И властью, что «радеет» для народа,
Но всё же раздевает догола.

Одолеваем беды и страданья,
Но из ушедших в будущие дни
Летит мольба, молитва, заклинанье:
«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Валентина ИГОШЕВА

* * *

Как бело!.. Вновь пришла к нам зима.
Холод в сердце мое пробирается...
Я не знаю: чья в этом вина:
Что душа так болит и так мается?!

Под одною мы крышей живем,
Но чужими давно уже стали.
Мы друг к другу ключа не найдем.
Разве, вспомни, об этом мечтали?!

Ты далек от меня. Так далек...
Как бы мне до тебя докричаться?!
До души мне твоей, дай намек,
Как же все-таки, слышь, достучаться?!

Чтоб однажды ты, глядя в глаза,
Мне сказал: «Я не прав. Я с тобою...»
Не страшны будут мне холода.
Вновь тепло будет мне и зимою.

Галина КОНСТАНСКАЯ

* * *

Почтовый кончился роман.
Я письма рву с улыбкой грустной.
Надежды глупенькой дурман,
В уме придуманное чувство.

А было все красиво, чисто.
Белеет в ящичке письмо,
Руки знакомой почерк быстрый
Читаю, на душе светло.

Пишу ответ с мечтой о встрече,
Она все ближе с каждым днем?
Ну, вот и все. Июньский тихий вечер,
Я рву последнее письмо.

Михаил ГРИГОРЬЕВ

* * *

Не прячь глаза свои, не прячь
за занавесками ресниц —
я не предвестник неудач,
а пленник я красивых лиц.
Не всколыхну я твой покой,
чтобы потом не каяться —
переболевшие тоской
не скоро зажигаются.

Будь недоступна, как мечта,
не надо слов — вдруг все пусты.
Бывает, молвит красота —
и нет уж больше красоты.
Не прячь глаза свои, не прячь
за занавесками ресниц —
я не предвестник неудач,
а пленник я красивых лиц.

КЛИМИНА И. А.

Череповец

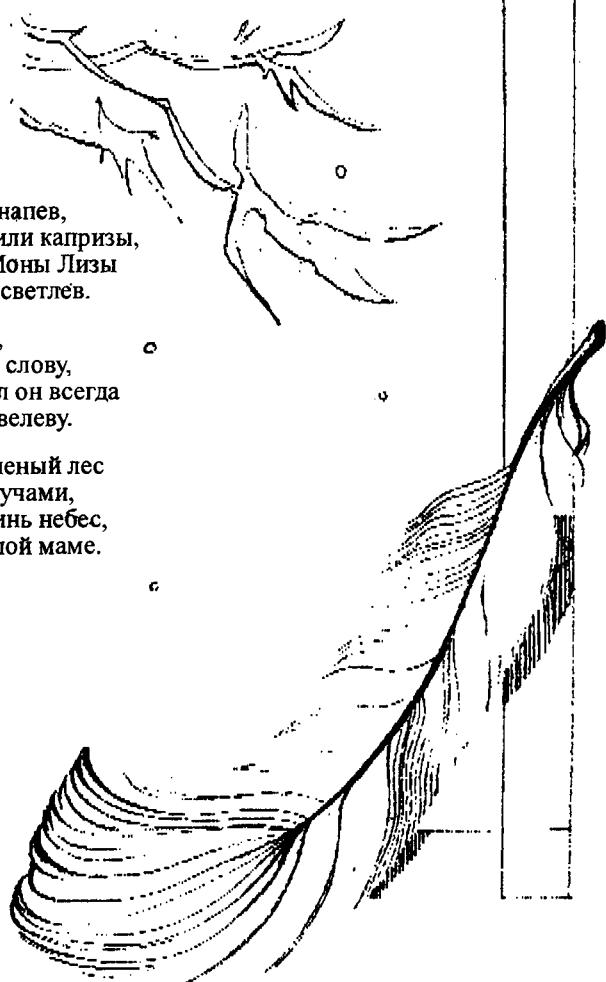
* * *

Тоне Шевелевой

Хранит в душе стихов его напев,
Ей чужды с детства спесь или капризы,
Она средь нас с улыбкой Моны Лизы
Читает строки, сердцем посветлев.

О том, какие это были дни,
О том, что был подвластен слову,
А между строк, что помнил он всегда
Подругу детства Тоню Шевелеву.

Ваш детский дом, реку, зеленый лес
Ласкало солнце теплыми лучами,
А он мальчишка, глядя в синь небес,
Хотел сказать о чем-то милой маме.

В мире Рубцова

НОВЫЕ НАХОДКИ

Эти автографы Рубцова (копии) передал нам в журнал земляк поэта, ныне живущий в Петербурге, Алексей Васильевич Антуфьев — замечательный собиратель и подвижник.

Первый автограф (В.Николаеву) прислал А. В. Антуфьеву из г. Дзержинска краевед и собиратель С. А. Першин. «Валентину, Вале Николаеву на добрую память...». Надпись сделана в 1969 году на одной из страниц журнала «Наш современник» № 9 за 69 г. В. Николаев был тогда студентом лингвистического института.

Вторая надпись (на книге Бокова) сделана 8 января 1965 года в Николе для Люси Поповой (Мартюковой). Рубцов вырвал автограф Бокова и написал свой.

А два остальных автографа связаны с именем вологжанки Татьяны, которая некоторое время работала в газете «Вологодский комсомолец».

Как справедливо пишет А. В. Антуфьев, каждая вновь найденная строка великого поэта — это большая радость для исследователей творчества Николая Рубцова, для всех читателей. Мы больше и больше узнаем о жизни и творчестве этого удивительного человека.

Вячеслав Белков

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНРИХА ВАСИЛЬЕВИЧА РОМАНИШНИКОВА

С Николаем Рубцовым я встречался, примерно, в 1966–1967 году. Много теперь уже лет прошло, а встречи с ним помню. Однажды они пришли к нам в гости: Рубцов, Николай Матвеев с женой, дружили мы семьями. Как обычно сели за стол, едим суп. Жена Н. Матвеева спрашивает меня: « Ну, что, Генрих, как ты себя чувствуешь среди поэтов?» А я отвечаю: «Как в своей тарелке». Рубцов улыбнулся, он был очень простым человеком, даже при первой встрече мне показалось, что мы уже давно знаем друг друга. А на другое утро я иду в леспромхоз, несу плакаты, прохожу мимо дома, где жил Николай, а он выбегает из дома и кричит: «Заходи ко мне, поставь свой стенд и беги в магазин». Выпивали, конечно, разговаривали, а уж о чем, теперь и не помню. Интересный он был человек, простой такой, хороший, общительный. Один раз мы читали друг другу свои стихи. У меня было небольшое стихотворение:

Сторона родная,
Сколько в ней чудес!
Речка голубая,
За пригорком лес.

Золотая нива,
Сенокосный луг.
Это ль все не диво
Разлилось вокруг!

НИКОЛАЙ
РУБЦОВ

ИЗБА В СНЕГАХ

ПОСЛЕДНИЙ
ПАРОХОД

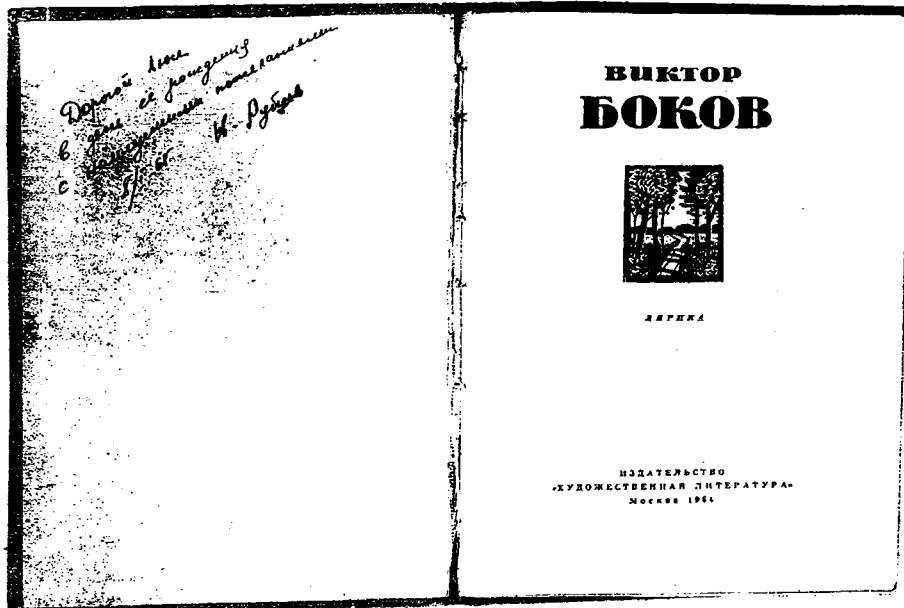
Памяти Л. Яшина.

Николай Рубцов родился в 1936 году в селе Емечк Архангельской области. Детство и юность поэта, оказавшие решающее влияние на его творческую судьбу, прошли в селе Никольском Тотемского района Вологодской области. Окончил Тотемский лесотехнический. Плавал кочегаром на рыболовном траулере в Архангельске. Служил на Северном флоте. После демобилизации работал на Кировском заводе в Ленинграде. В этом году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор двух поэтических книг — «Лирика» (Северо-Западное книжное изд-во, 1965), «Звезда погей» (Советский писатель, 1967). Живет в Вологде.

...Мы сразу стали тише и взрослой.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стая журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...
В леса глухие, в самый древний град
Плыли пароход, разбрызгивая воду, —
Скажите мне, кто был тогда не рад!
Смеялся, ходили мы по пароходу.
А он, большой, на борт облокотясь,
Он, написавший столько мудрых книжек,
Смотрел туда, где свет заря и грязь
Меж потонувших в зелени домишек.
И нас, пестроя, радовало вязь
Густых ветвей, заборов и домишек,
Но он, глазами грустными смеясь,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...
В леса глухие, в самый древний град
Плыли пароход, разбрызгивая воду, —
Скажите, кто вернулся бы назад!
Смеяясь, ходили мы по пароходу.
А он, большой, скрывая свой недуг,
Он, написавший столько мудрых книжек,
На целый день расстравнялся вдруг
Из-за каких-то маленьких окунышек.
И мы, спрятавшись, чуть заря,
И водоросли трав таскали окунышек,
Но он, всерьез о чем-то говоря,
Всюду смотрел на нас, как на мальчишек...
В леса глухие, в самый древний град
Плыли пароход, встречаемый народом...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царя и лад,
Стал для него последним пароходом!
Что дарят мы стали тише и взрослой,
Чтобы грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стая журавлей
Над бесподобным дремлющим угором...

Рисунок
Камиллы
ВАГОРОВОЙ.

Василий
Николаевич
Кириллович
Бибиков

Дорогие мои читатели!
Я прошу вас не забывать
о том, что я - Рубцов.
Мой путь из моих
дней, мои сны, мои
тоски, мои воспоминания
31 мая 1964 г.
Н. Рубцов

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Лирика

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ПОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Hans

и Беда.

Но у него, генерале ясно,
Как звать они.

так просовались!

Но у него они не ясно,
И ссыпал я:

- А как Ноговщиков?

А неужели не ясно где
Это - это пасхальное
В первое правление:

Следующий пасхальный день
Ноговщиков: "Англичан разве"

Пушкин

9. Бороды.

Когда я прочитал его, жду, чего Рубцов скажет. А он похвалил меня и говорит: «Ну, неплохо, неплохо, занимайся, пиши дальше». Я художником работал, портреты рисовал, а чаще — природу, показывал Рубцову свои работы, они ему очень понравились. Да с ним на любую тему можно было разговаривать, правда, о семье почти ничего не говорил, да неудобно было и спрашивать.

В разговор вступает жена Генриха Васильевича, Валентина Ивановна: «Добрый был Николай, душевный такой, много лет уже прошло, а в памяти он остался человеком нетребовательным, покладистым, с ним можно было на любую тему поговорить. Он у нас и на гитаре играл, песни пел свои, голос такой негромкий, спокойный, хорошо пел, за душу его песни брали.

г. Бабаево

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ КУЗИНОЙ

Сама я родом из деревни Афанасово. Мой дом находится по соседству с домом Вилиора. К нему много кто приезжал, он ведь поэт был, очень жалко, что вот так рано умер. Да, я хорошо помню, как у него был Рубцов. Его фамилию я запомнила, потому что человек он больно был хороший, видный. Я его и видела много раз, разговаривала с ним. Другой раз зайду в избу к Вилиору, они сидят, разговаривают о чем-то о своем, спокойно так беседуют. Поздороваются со мной, спросят, как здоровье. Рубцов-то всегда такой был обходительный, вежливый, скромный.

Много раз и у меня в избе бывал, уж теперь, конечно, и не помню, зачем приходил, в деревне ведь живем. Афанасово Коле очень понравилось, помню, он говорил, что природа у нас хорошая, места красивые, да у нас в ту пору полей много было, рожь сеяли, лен растили, это сейчас ничего не стало, все порастеряли, жалко, земли много зря пропадает. А особенно вечерами любил Рубцов около дома на завалине сидеть. Долго они о чем-то с Вилиором толкуют. Матери Вилиора Рубцов тоже очень нравился, всегда говорила, что Николай простой, добрый человек, из еды ничего не требовал, ел, что на столе стояло.

Когда Вилиор сказал мне, что Рубцова не стало, я так очень расстроилась, сначала даже и не поверила. Смерть-то, какая худая. А Вилиор-то часто Николая вспоминал, он ведь стихи про него писал, хорошие стихи-то.

ДО КОНЦА

Слова Н. Рубцова
Музыка И. Белкова

Не спеша

Солист

До кон - ца, до ти - хо - го креста пусть ду - ша о - ста - нет - ся чиста!

C. mp М...

A.

той жел - той, за - хо - луст - ной сто - ро - ной бе - ре - зо -вой мо -

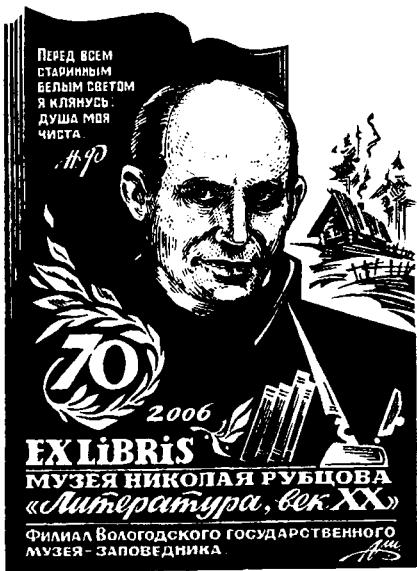
ей, пе - ред жни - вой, па - смур - ной и груст - ной в дни о -

сен - них го - рест - ных дож - дей, пе - ред э - тим стро - гим сель - со -

Солист:

я клянусь: душамо-я чис - та. Пусть о -

всем ста-рин-ным ос-лым све - том я клянусь: чи-

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ (музею Рубцова исполнился год)

Год назад в Вологде был открыт музей «Литература. Век XX» (ул. Герцена, 36), именуемый в народе проще — «музей Рубцова». Основная экспозиция его и посвящена этому великому поэту современности, нашему земляку.

За прошедшее время в музее побывали тысячи посетителей — не только из Вологды и области, но из многих городов России. Почти все они прошли через экскурсии, приобщились к тайне поэзии Рубцова, к ее волшебству. Музей участвовал и в юбилейных торжествах в Москве.

Кроме основной экспозиции работала выставка фотографий московского мастера А. Кошелева — это рубцовские места Вологодской области, друзья поэта, прекрасные виды Николы, Тотьмы, Вологды.

У нас прошло несколько литературных вечеров — памяти Рубцова, Кожинова, Чухина, Башлачева и др. Свои стихи в небольшом зале музея читали современные вологодские поэты — М. Каракев, Ю. Максин, Е. Саблина, А. Таюшев... Очень интересной была встреча с друзьями и однокашниками Рубцова — С. Багровым, А. Лебедевой, Г. Семеновой, Ю. Пономаревым и другими. Своими литературными архивами с нами поделились писатели А. Грязев, В. Елесин, В. Оботуров, В. Дементьев.

Есть и новые находки, ведется исследовательская работа. В. Белков подготовил статью «Как работал Рубцов», а профессор Виктор Бараков обнаружил в фондах государственного музея-заповедника неизвестные стихи Николая Рубцова. Вот один из отрывков:

*...И от приступа чувств
закружилась чуть-чуть голова.
Я тихонько бренчу
на расхлябанной старой гитаре,
под какой-то мотив
на ходу подбирая слова.*

А в книге отзывов нашего молодого музея — десятки замечательных, благодарных, добрых записей.

*Вячеслав Белков,
сотрудник музея*

Избрание

Виталий СЕРКОВ

РАСПАД
(Венок сонетов)

1

Венок сонетов? Боже упаси
Попасть в его классические путы!
И легкость свежей мысли не проси,
Коль строки в рифмы парные обуты.

И чувства в три погибели согнуты...
Но их мечтой заветной ороси
И лампу раньше срока не гаси —
Придут к тебе заветные минуты.

Ты только верь: терпение и труд
И камень в пыль земную перетрут,
Когда сонет, как воздух, будет нужен.

А чтобы мысль водой не растеклась,
Прими его чарующую власть.
Он строг, да и взыскателен к тому же.

?

Он строг, да и взыскателен к тому же.
Венка чертоги все же — не тюрьма.
Ведь звезды отражаются и в луже,
Когда царит вокруг сплошная тьма.

Но для тоски оставь лазейку уже.
Протиснется — сведет тебя с ума,
Поможет уподобиться кликуше,
Не зная, что погибнет и сама.

Плети венок из света и тепла,
Орнамент строй из битого стекла,
Твори, но рифмой бойкой не форси.

Венец к венцу — и встанет светлый дом,
А как хранить тепло в нем, ты о том
Порядочную женщину спроси.

3

Порядочную женщину спроси:
А что в семье стоит на первом месте?
Не то ли, что пригрезилось невесте
В жемчужинах предсвадебной росы?

Увы и ах — в сметане караси
И сыр голландский, запеченный
в тесте...

Пока мужик находит радость в тексте,
Нет женщине улады на Руси.

«И что ни день — всплывает новый
риф:
То старый долг, то выросший тариф,
А намекну — потом жалею дюже.

Глаза его, как молнии, сверкнут,
Слова его больнее бьют, чем кнут...», —
Вот так она поведает о муже.

4

Вот так она поведает о муже:
«Томится сам и мучает меня.
То весь — огонь, то нет совсем огня,
И холодом его весь дом остужен.

Вокруг него

Рубцов, Кольцов, Бестужев.
Он спорит с ними, рифмами звеня,
Садится на крылатого коня
И падает, не удержавшись, тут же.

Преследуем судьбой иль тайным
роком,
Узлы противоречий ненароком
Час от часу затягивает тайко;

Попав в круговорот идейных драк,
Он то мудрец, то вылитый дурак...»
Она живет с ним, как в февральской
стуже.

5

Она живет с ним, как в февральской
стуже,
И нервы у нее оголены.
Еще мелькнут порой цветные сны,
И муж в них ласков и со всеми дружен.

И ждет она годами новизны,
Но спросит вдруг: «Ты что, родной,
контужен
Иль мыслями дурными перегружен?
Уж больно строг и прям, как ствол
сосны.

Да можно ль жить со всеми не в ладу?»
А он давно скитаются в аду,
И круг раздвинуть не хватает сил.

Ей — оглянуться некогда окрест
И тащит быта тяжеленный крест:
Готовь, стирай и водку подноси.

6

Готовь, стирай и водку подноси.
А выдалась свободная минута —
Храни очаг домашнего уюта
И гнев в себе до времени гаси.

На мужа даже глазом не коси,
Не то, чтоб громко звякнула посуда!
Мир крутится на тоненькой оси,
Лишь сдвинь ее — и не минуешь худа.

Гласит молва: нет худа без добра...
А стало быть — ты белкою с утра
Крутись, но приготовь обед и ужин.
И береги тончайшей крепи нить.
А оборвется — некого винить.
И с каждым годом хуже, хуже, хуже...

7

И с каждым годом хуже, хуже, хуже.
Боишься, чтобы нить не порвалась,
А сделаешь движенье неуклюже —
И ненависть, петлю свивая, всласть

Натешится уж тем, что мир порущен.
Но, чтоб скорее злоба углегась,
И был очаг не на века потущен,
Спеши стихи в горячий пепел класть.

По мелочам жену виной не мучай,
Припомнай из молодости случай,
Когда ты был почти на небеси...

Живет с тобою в постоянном страхе,
Как будто голова ее на плахе,
А, провинившись, шепчет: «Пронеси!»

8

А, провинившись, шепчет: «Пронеси!»
О том ли ты мечтал в иные годы,
С младых ногтей изведав все невзгоды?
Виновен сам? Тогда не голоси

И на Пегасе землю колеси,
Ищи-свищи и выходы, и входы,
Когда судьбой затоплены все броды.
А вышиб конь — так в стремени виси.

Сказал Рубцов:

«Кто едет, тот и правит...»
Нас жизнь в пути не раз еще отравит,
Подсунув с ядом мысли и слова.

Но не страшны ни яд и ни проклятье,
Когда в душе хранишь противоядье.
Муж в доме по закону — голова.

9

Муж в доме по закону — голова.
Ему, как говорится, карты в руки,
Но не топор, не кнут, не булава,
Чем он махал бы спяньу иль со скуки.

И, обладая качествами льва,
И мышцы накачав вполне упруги,
Качал бы всем, слабее кто, права,
Губя любовь доверчивой подруги.

Сказав, не удержал я тяжкий вздох.
Творил и я в семье переполох,
И злей бывал бессмертного Кощяя.

И до чего же горек мой урок!
Но смог понять я и запомнил впрок:
Жена — лишь поворотливая шея.

10

Жена — лишь поворотливая шея,
Но как умело крутит головой!
Обязанностей сладких казначея
Лиши ее — такой поднимет вой,

Что станешь в миг «коварнее злодея»!
Куда тебе с кнутом иль булавой?!

И, от тоски загробной холodeя,
Идешь-бредешь куда-то сам не свой.

На плечи ляжет тяжестью вина
Попробуй-ка злодейку эту скинь!
И крестишься тайком, и шепчешь:
«Сгинь!»

Не читят жена семейного Устава.
От мужа, словно от нужды, устала,
Хоть из его ребра сотворена.

11

Хоть из его ребра сотворена,
Но чаще все семейные оглобли
Жене тесны, и сбrou рвет она,
А мир вокруг коварен и озлоблен.

И злобы, и коварства семена
Дают плоды, и этим обусловлен
Распад семьи. Настали времена
Для сатаны — заняться адской ловлей.

Жена и муж — две равных половины.
Не мы в утрате этого повинны,
А книги судеб новая глава.

Как мать с отцом, друг друга дополняя,
Срослись с годами, чести не роняя,
Так в звеньях строк срастаются слова.

12

Так в звеньях строк срастаются слова
И превращают в сладкие звуки

И шорох трав, и на деревьях сучья,
И печь с огнем, ласкающим дрова,

Что мы, порою, как тетерева,
Глухи, а в это время свора сучья
Для виселиц готовит дерева,
Исподтишка вонзая в души крючья!

Пою, в пылу заслоны обойдя,
И я о вечных таинствах дождя!
Подумаешь, зasadная траншея!

И пусть меня за дерзость обвинят,
Но рифмы непокорные звенят,
Звенят, верша сонет и хорошая!

13

Звенят, верша сонет и хорошая,
Слова, зозвучья, рифмы меж собой.
Пройти им надо тонкий перешеек,
Чтоб сохранить искренность, и боль.

Плести венок — нелегкая затея,
Еще трудней — увязывать с судьбой
И бой вести, почти незримый бой,
С самим собой, поэтому за те я

Слова и переливы голосов,
Что с тайнами сливаются лесов,
Чья плоть огнем любви озарена.

Хотя венка поэзия строга,
Звеном в цепи звенит его строка,
А рифма — завершение звена.

14

А рифма — завершение звена,
Закалена и не желает гнуться,
Но коль уж вбита, словно гвоздь, она,
Строчке не даст в сонете пошатнуться.

Водил ли Бог меня, иль сатана —
Не смог никак с венком я разминуться.
Стояла из молчания стена,
Я вздрогнуть лишь успел и оглянувшись.

Неясные вокруг роились звуки,
Когда к бумаге потянулись руки,
И мысль мелькнула: «Ноги уноси!»

Потом перо незримых сфер касалось,
Но в завершенье все же написалось:
«Венок сонетов? Боже, упаси!»

15

Венок сонетов? Боже, упаси!
Он строг, да и взыскателен к тому же.
Порядочную женщину спроси —
Вот так она поведает о муже.

Она живет с ним, как в февральской
стуже:
Готовь, стирай и водку подноси.
И с каждым годом хуже, хуже, хуже...
А, провинившись, шепчет:
«Пронеси!»

Муж в доме по закону — голова.
Жена — лишь поворотливая шея,
Хоть из его ребра сотворена.

Так в звеньях строк срастаются слова,
Звенят, верша сонет и хорошая,
А рифма — завершение звена.

ЖИЗНЬ НЕ СКЛАДЫВАЛАСЬ, СКЛАДЫВАЛИСЬ СТИХИ...

Мы уже знакомили читателей с поэтическими произведениями актрисы и режиссера Татьяны Федоровны Черыговой, в творческой биографии которой есть яркая вологодская театральная страница. Новую подборку для журнала «Автограф» мы составили из стихотворений поэтессы несколько другого характера, чем в прошлый раз.

В верлибрах Татьяны Черыговой находишь всегда нечто чарующее и волшебное. Поэтому возникает желание перечитывать ее стихи, ибо находишь в них ранее не замеченные мысли, душевные движения, философские размышления и сложную духовную

жизнь тонкой, всегда загадочной женской души. А это первый признак того, что мы входим в мир настоящей поэзии.

Лирическая струя поэтических высказываний Татьяны Черыговой своей тонкостью, редкой лапидарностью, особой поэтикой и музыкой стиха, вызывает рой ассоциаций с восточной поэзией. И прежде всего, с завораживающей прозрачной лирикой страны Восходящего Солнца — Японии. Но тоска и ностальгия, чувство беспредельного одиночества в огромном мире и зыбкости необходимейшего, как воздух, чувства любви в этих пронзительных лирических миниатюрах — наши родные, истинно русские. Они могли родиться только в сердце русского поэта, дышащего с природой и окружающим миром в унисон, вопреки всем бедам, невзгодам, душевным кризисам и утратам.

Виталий БАКУМЕНКО

Татьяна ЧЕРЫГОВА

* * *

Облетают мечты —
нарождаются новые.
И ободранная кора
заживает с весною.
Я оправдываюсь,
потому что оправдана жизнь
с горечью.
И я надеюсь,
всегда надеюсь на лучшее,
когда вижу обман.
А как же иначе?..

* * *

Пусть милый взор лесов
пощаще обольщает.
Он полон тайной страсти,
возвышенных надежд.
Будь милостив к его корням
и преклони колени.

Да не стеснит небесных чувств
твоя душа,
в которой правда истины
с младенческою чистотой
протягивает руки
к вершинам бытия.

* * *

Грибные места
и долгие поцелуи,
унылый костер и пустырь,
общежитие длинное.
Жизнь не складывалась,
складывались стихи,
и за это Тебе
спасибо.

* * *

Мысли-ветви
гнутся над столом.
Время мое урожайное
подходит к концу.
Стены раздвигаются —
я в Белом саду.

* * *

Как кипящая лава, юные дни,
строптивы, нетерпеливы они,
и потому в эти годы плачут
и клянутся обильно в любви
до гробовой доски.
А потом эти доски сжигают,
потому что холодно, ветрено,
и в тепле вспоминают
из соснового дерева доски,
которые долго горят.

* * *

Какие слова шептали!..
Ах, надо бы помолиться
теми словами святыми.

Вина в груди томится,
вырывается в тихом стоне:
— Сокровище благих,
явись небесным светом!
Моя судьба в твоей лишь власти.
Являешься ко мне на пышном карнавале
ты в образе снежинки.
Когда гроза бушует,
являешься ко мне ты в образе дождя.
А в дни счастливые
являешься ты в образе луча,
что, преломившись в сердце,
тянется к бумаге.

* * *

Догорала моя свеча,
и капельки воска
падали
на Твои ладони.
Ни одну из них
не обронив,
Ты сотворил меня
на новую нить,
и теперь я стою
прямая.

* * *

Сон сосны высокой
в сумраке тревожном.
Каждою иголкой
чувствует он явь.
Шепот облаков
ветви приголубит,
ненарочком шишечку
трепетом смутит.
С лирою Зефира
ночь полна триумфа.
Лишь мои подошвы
по лесной тропинке
вспугивают перлы
колдовства ночного.

г. Москва

Критика и публицистика

СОБЫТИЯ

Клуб «Госпожа провинция» при череповецком «Доме знаний» провел несколько интересных вечеров и встреч, посвященных юбилею Николая Рубцова. Например, 14 января здесь состоялся литературно-музыкальный вечер. Выступили — учащиеся школы № 29, Е. Р. Буняк, Г. М. Березина, В. В. Попова, поэты города, художник Вл. Сергеев, бард С. Дмитриев и другие. А 15 января прошли литературные чтения, посвященные великому поэту. Выступили — писатели А. Хачатрян, В. Белков (Вологда), А. Тихомиров, В. Пантишина и др. Вечер и чтения вела руководитель клуба Н. Л. Деревягина.

* * *

Еще раз сообщаем о выходе замечательной книги Сергея Лагерева «Душа хранит» (Сургут, 2005). Подзаголовок книги — каталог выставки частной коллекции. Сергей Алексеевич многие годы собирает материалы о великом поэте Николае Рубцове.

* * *

Вологодская обл. библиотека собрала литобъединения почти со всей области. В обсуждении их творчества приняли участие писатели Михаил Каравеев, О. Фокина, В. Белков, В. Бараков и другие.

* * *

В музее Рубцова (Герцена, 36) прошел интереснейший вечер «Рубцов в музыке». Участвовали — музыковед Э. Кириллова, журналист И. Цветкова, бард Вл. Сергеев и др. Вел вечер писатель Вячеслав Белков.

«ВОСКРЕСЕНСКИЙ ПРОСПЕКТ»

Вышел пятый номер череповецкого лит. альманаха «Воскресенский проспект» (2005). В основе его, как всегда — стихи последних лет. Среди авторов — давно знакомые нам А. Широглазов, А. Крутников, Н. Бушенев, Г. Констанская, А. Пошехонов, А. Родина и другие. Расшифровал себя, наконец-то, «КС» — Сергей Круглов.

Есть и новые имена — С. Комлев (журналист), О. Лимарова и др. Проза альманаха представлена произведениями А. Хачатряна, А. Сидоренко, Е. Шалашова. Есть и статья о Рубцове, спорная, но интересная.

Мне кажется, этот номер альманаха выше по уровню, чем первые выпуски. И еще: как всегда широко замахнулся поэт А. Широглазов, интересен В. Анохин, да и молодые авторы. Диапазон тем тоже широк — от спокойно-уютных до самых тревожных и противоречивых. Как в стихах А. Якунова: «Собака жизнь, казалось бы, легко / Бежит себе по скользким тротуарам...» Украшает выпуск гравюра замечательного художника Дмитрия Медведева.

Вячеслав Белков

САТИРА

Петр КУЗЬМИН

ТЕПЕРЬ У НАС...
(Современной России)

Ура! Мы нынче не в Союзе!
В публичном доме СНГ.
Сыты свободою до пузы
и дружбу водим с ФРГ.

Теперь у нас свои фашисты
и бравый фюрер даже есть.
Их породили коммунисты,
они же — совесть, ум и честь.

У власти их же дерьмократы,
таких в капстранах не сыскать.
Добро страны гребут лопатой,
чтоб за кордоном не пропасть.

Теперь враги мы коммунизма,
и наша цель-капитализм...
Уж были бы там, ни Сэма к клизме,
не наши державный бандитизм.

Мы, как послушные бараны,
куда ведут, туда идем.
В любое время сдуру, спьяну,
лишь только скажут, все умрем.

Смеются США с Европой,
добившись своего сполна,
как наша Русь к ним с драной...
прет из петровского окна.

1995, Москва

В. ПОЗНЕРУ

Вольдемар обескуражен:
— Вологжан я не пойму,
ну хотя б для антуража,
к ВИЧ-больным чего не льнут?!

2006

Д. БУШУ

В Достоевского влюбился:
«Преступленье...» прочитал.
И в Багдад как вор вломился,
но, застряв там, прослезился —
«наказанье» ждать устал.

M. ШВЫДКОМУ

Затейник пошлый и лукавый,
ценитель изуверских нравов
и вдохновитель грязных дел.
В растилены душ так преуспел!
И мазу уркам дал в натуре,
устроив кайф в гол-стоп культуре,
забыв о персональной шкуре.

2003

C. МИХАЛКОВУ

Двух знаменитых сыновей родил
и славный Гимн Союза сочинил,
затем зажег «Фитиль» неугасимый
(заряд уже заложен властью был).
Ба-бах! И... развалился «не рушимый»?

1993

ЭТО АМОРАЛЬНО, ЭТО ГРЕХ...

*Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий...*

«Рок событий!»

Вот судьба многих русских поэтов — убитых, расстрелянных, погибших в застенках лагерей ГУЛАГА.

12 уголовных дел!?

К моменту гибели С. Есенина, власть, которая потом на десятилетия запретила его книги, считала уже половину России уголовниками, — миллионы томились в лагерях и тюрьмах по уголовным и расстрельным спискам, по подметным доносам.

Расстрелян Н. Гумилев, преследовались и уехали за границу М. Горький, Ф. И. Шаляпин, А. Куприн, И. Бунин, М. Цветаева, А. Алехин, А. Вергинский, П. Лещенко, сотни, сотни лучших умов России.

Роковая участь С. Есенина тоже была предрешена, поэтому его травили, провоцировали драки и скандалы, пьяники те, кто завидовал и ненавидел его за талант и гениальность. Завистники и злопыхатели действовали с одобрения и по сценарию кремлевских правителей и партийных вождей.

Травили и преследовали потом и его детей, близких. Сын Георгий расстрелян в 1937 году, ему шел 23 год, в 1939-м зверски убита Зинаида Райх, мать его детей, не раз сидел в тюрьмах и психушках и потом выслан последний сын Есенина Александр Есенин-Вольгин, подверглись репрессиям (а некоторые были уничтожены) истинные верные друзья Есенина.

Среди гонителей и чернителей Славы и светлой памяти великого русского поэта С. А. Есенина оказались и вы, стяжчие фильма «Есенин». За что же вы мстите ему, великому Поэту России, его близким, родным и всем нам, кто высоко ценит его гений, его светлую, как майское небо, поэзию?! Сами не ведаете что творите, как все те, кто гнал его к могиле, кто убил его, как те, кто распял безвинного Христа... Пусть осудят вас все читающие люди голубой планеты Земля!

Великого Поэта России Сергея Александровича Есенина нельзя очернять, матить, унижать — это аморально, это грех!..

*Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть...
Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.
Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,*

*Никогда не был по голове...
Я люблю родину.*

Я очень люблю родину! — в этом душа и весь Сергей Есенин.

Вл. САМОРУКОВ
Рязанское землячество, Ноябрь 2005 г.

P.S. Искусство должно вызывать благородные, добрые светлые чувства, как стихи С. Есенина, а не отвращение и раздражение, как фильм «Есенин».

B. C.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Букет Рубцову, стихи-посвящения, Ростов-на-Дону, 2006. Редактор и составитель — поэт Виктор Тихонов.

Валентин Шагинов «Осенние этюды», стихи, Череповец, 2006. Книга оформлена прекрасными рисунками Т. Н. Смирновой.

Юрий Малоземов «Ледушкина книжка для Николки и Аришки», Вологда, 2005. Художник — Аркадий Поляков.

Виктор Бараков «Неизвестные стихи и письма Н. Рубцова», журнал «Москва», №1, январь 2006.

Вячеслав Белков «Жизнь Рубцова», 2-е издание, Вологда, 2006. Переиздание книги, которая стала редкостью. 150 руб. с пересылкой.

Журнал «Автограф», № 42, Вологда, 2006. Герои и авторы номера — Н. Рубцов, Н. Зиновьев, М. Сопин, В. Бакуменко, Игорь Белков, А. Климов, Е. Саблина, Н. Бушенев, художники Н. Неймеш, Г. Кулишов и др.

Михаил Сопин «Я тебе не писал...», лагерные дневники, стихи. Предисловие Т. Сопиной, Вологда, 2005.

Калачева Л. Г. «Вологодская нива», Вологда, 2004. Рассказы, отразившие духовные пути русского человека к Богу.

Андрей Климов. Пародии, газ. «Советская мысль», В. Устюг, сент. 2005.

Юрий Максин «Навеки твой...», книга лирики, Москва, 2006. Новая книга замечательного поэта, лауреата ряда премий. Вышла в издательстве журнала «Юность».

Андрей Смолин «Рабочая тетрадь», портреты, диалоги, эссе. Вологда, 2006. Новая книга вологодского критика. Герои книги — Рубцов, Яшин, Романов, Максин и др.

Журнал «Наш современник», №1, 2006. Известные стихи Рубцова, худож. рассказ А. Козина о Рубцове, другие авторы — В. Распутин, Ст. Куняев, Вл. Богослов, Н. Рыжков и др.

Вера Филиппова «Сокровенное», стихи, Петербург, 2004. Мини-издание. Художник книги Дмитрий Медведев.

А. Широглазов «Письмо из города Ч.», стихи, Череповец, 2005. Красивое издание, надо почитать.

Короткая проза

ЛАУРЕАТ ЖУРНАЛА

Очередным лауреатом журнала «Автограф» назван известный вологодский писатель Александр Цыганов. За ряд публикаций в нашем журнале и книги последних лет.

А. А. Цыганов родился в 1955 году. Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии Вологодской области за книгу прозы «Вологодский конвой». Публикуем один из его рассказов.

Александр ЦЫГАНОВ

ТУМАН

Рассказ

Снизу, от сонной малоприметной речушки, почти недвижимой, стелись едва не над самой землей, медленно надвигался туман: поначалу легко и незримо выползая, он как бы копился — собирался в одном месте, перед вгустую заросшим полем, а затем, точно по чьей-то неведомой команде, колеблясь, двинулся вперед. Тишина в предрассветный час стояла небывалая, казалось, замерло все дышащее и над землей и под ней, затаялось все сущее, лишь, неощутимо нарушив это медленное продвижение над заброшенным угремым полем, сбоку, из-за стены серо-черного зубчатого леса как-то бочком выглянула, будто испрашивая чьего-то разрешения луна, — зеленовато-желтая, тонкая, почти прозрачная, и тихо заскользила в безбрежной необъятности пустого неба. Туман местами, как живой, нехотя осветился этим прозрачным светом и, колыхаясь, дымчатым громадным клубом направился в сторону пустой, почти окаменелой дороги, ведущей в гору, на которой угадывались смутные очертания, напоминающие останки некогда бывшей в давности жилой деревни. Они, эти останки, словно бы в предчувствии чего-то непоправимого, чудилось, даже сгрудились вместе, превратясь в одно целое, матово белеющее посредине в этот предутренний зыбкий час.

В это время луна, слабо клюнув, канула ненадолго за тучку, но скоро вновь тоскиливо продолжала сопровождать нашествие тумана, уже решительно вползающего на саму горушку, к домам — к их останкам, откуда торчали только кирпичные сырье трубы, — сиротливые, окруженные со всех сторон пожиравшим все живое бурьяном, иван-чаем и густой, гремучей, не продохнуть, крапивой, жгучее дыхание которой способно умертвить сознание.

Между тем туман по-хозяйски взошел на саму горушку и, взвиваясь густыми космами волокон, по-осмыноюкы пытался обить все, что было когда-то здесь деревней, жильем людским. И, оказалось, не только на горушке, а и ниже, по бокам и даже дальше, в другую сторону, — все было избами, ныне окончательно истлевшими, мертвыми, — все высветила услужливо подоспевшая луна: уставилась сверху предрассветным желтым зраком, да так и замерла, пока туман, опять

сгустившись, не закрыл от нее видимое; и тогда она, не споря, клюнула за очередную бездонную тучку и необидчиво уткнулась к леску, кругом обступившего пустынную местность. Плавно переваливаясь, туман на миг остался один на один с тем, к чему так направленно двигался, и вдруг стал менять свои очертания, торопливо перестраиваясь, ибо не вечно быть предутренней поре, и все ночное, ненастоящее, разом исчезает перед начальными проблесками истинного света.

Первый наплыв, вздыбившись, разом хлынул на то, что белело матово посрести умолкшей деревни — церквушки разрушенной, но не смог ни обять ее, ни тем более попасть внутрь ее пустующую. И тогда, точно отчаявшись, он нехотя отступил и уже свободно, даже величаво отполз, заполняя все окрест, спускаясь в низину. И вот оттуда, снизу, где под непроходимостью бурьяна и змеиности огромной, копьями, крапивы лежали трухлявые коричневые бревна, внезапно появилось нечто, странным образом напоминающее отображение человека. Слепленное из обманчивых туманных обивов, это нечто медленно выявило молодого человека, одетого в форму солдата давних дней, шинелью-скаткой через плечо и держащего за собой тяжелую винтовку-трехлинейку, до половины скрываемую колыхающимся туманом. На груди был криво приколот георгиевский крест, и он, военный, молодой человек, растерянно оглядел жилье бывшего родного очага, место своей родимицыны, рукой прижал награду к груди и обратил и без того бледное, полное слез лицо к небу — в чернильную безответную пустоту, и тотчас туман, живо сгустившись, окутал его, скрыл в своем мире. И вот из тех недосягаемых горных высот, наполняя округу, родился какой-то неразличимый постоянный шепот, скожий на бессильно-неразборчивую мольбу о чем-то главном, невозвратном, и уже не покидал все происходящее окрест. А вздувающиеся сизые клубы тем временем стали то и дело выявлять одно другого страннее и необъяснимее: волшебным образом открылась нижняя часть деревни с крепкими даже не домами — домишками, мимо которых, вдоль забора, как в немом кино, прошагала толпа веселых парней и девушек, — парни все в картузах и косоворотках, девушки в длинных платьях и сапожках на пуговках. Но они вместе с домами исчезли быстро — настолько скоро, что один из картузников, снимавший тальянку с плеча, так и погрузился с этим в густой жадный туман, последним. Далее непонятным образом засыдались и голоса, больше детские: прозвеневшие как будто одинокими чудными колокольчиками, они перетекли в немолкшую шепот-мольбу и загасли в сырости раннего часа; то внезапно под горушку к полю, торопясь, бодро пропрыгал колесный трактор, беззвучно стреляя клубами дыма, но так и не добрался до места, даже с горушки полностью не сумел сбежать — извивающиеся бесконечные волокна сжали и съели без остатка, со всем его железным нутром.

Но не так уже и пуста была, оказывается, окаменелая дорога, что первой попала под сизый плен, захлестнувший ее своими мутно-серыми хвостами: расплываясь, нерезко увиделись на ней подвода с сидящими мужиками, иные, пьяные, горланили что-то, поглощаемое сизым, неслышно наяривала гармошка, в меха которой тут же вползал, спеша, туман, заодно опутывая в свои речные покрывала идущих следом за подводами так же неслитно ревущих баб и ребятишек, — сюда, от деревни, поторопились волокнистые щупальца, чтобы на веки вечные скрыть все в бездонных таинственных недрах. А какой дорогой в эти края продвигалась женщина с опущенной головой и почтовой сумкой на боку — и не разобрать было, не говоря о настойчиво зовущем шепоте-плачье, накрывающем вездесущим туманом — вязким, разбухшим, вгустую то опускающимся, то вздымающимся.

И он, не переставая, все продолжал являть миражи, призрачные видения, где, сменяясь, уже угадывалась определенная закономерность: убранное, полное до горизонта стогов желтое поле, тут же сменялось поникшим одиноким стариком с косой у потухшего костра, далее дымкой развеивало образ ласкового зеленого вечера со стоящими подле густой бересы парня и девчушки со счастливыми лицами, и следом — уходящие в мутном застиле из деревни торопливые ребята с девушками в сторону автобусной остановки, откуда, немедленно тронулись, автобус сразу утонул во всеоглощающем губительном тумане. И — таявшие один за другим дома: полные жизни, они с устрашающей последовательностью сменялись пустотой и разрухой, — все вмешалось и чудодейственно отравлялось туманным грозным нашествием. Но само происходящее с каждым разом становилось заметно бледнее, прозрачнее, тоныше, и больше напоминало не первоначальные зримые образы и картины — теперь это было и вовсе невнятно-угадываемое, сплатающее ненасытным наплытом, его остатками. А сам туман, который, представлялся, уже наполнился изнутри полностью шепотом-молитвой о чем-то окончательно невозможном, — его передовой стелющийся ряд, успел вернуться обратно к реке и, цепляясь из всех сил своими ошметьями за бугристое булыжное поле, ветки деревьев, прибрежные, влежку, кусты, навис над рекой и, наконец, вовсе захлебнувшись в звянящем стоне-мольбе, не утонул — ушел в воду, став ее частью, — той малой толикой некогда большой и полноводной реки, ныне умирающей день за днем сразу за первым береговым поворотом, куда уже много лет не ступала нога живущих и, верно, никогда теперь не ступит, несмотря на скользнувший в эту секунду первый живительный солнечный блик.

18 июля 2004 года

Артем БАБИЧЕВ

СВЕТ

Ночь опустила своё покрывало. Матерясь про себя на фонари, которые не горели, и на тротуары, которых вроде бы в ту ночь не существовало в природе, Дмитрий шёл домой. Шёл он по проезжей части и единственным светом в его пути был свет проезжающих машин. Смена была тяжёлой, и Дмитрий почти уже спал по ходу.

Сон прервал сильный слепящий свет. Визг тормозов ударил по ушам. Что-то ударило по телу, которое куда-то покатилось. Визг сменился гулом мотора.

Машина, сбившая Дмитрия, уехала. На миг он остался в полной тьме, но только на миг. Тут же возник такой же слепящий свет. Такой же сильный. Но другой. Манящий.

Манящий и ни на что не похожий свет, образовав собой лестницу, умоляя своим ласковым блеском взойти по ней и войти в туннель. Туннель был тоже из света. Дмитрий так увлёкся игрой света и своим движением по нему, что даже не заметил, как у его тела остановилась машина.

То была другая машина. Не та, что сбила Дмитрия. Из её чрева кто-то вылез, подошёл и стал теребить тело Дмитрия. А Дмитрий, почему-то не придав этому значения, стал карабкаться по лестнице из света. Это оказалось очень лёгким делом, и вскоре он шёл по туннелю. Нет, он не шёл. Он парил.

Сколько он парил, Дмитрий определить не мог, но вдруг посмотрев вниз, увидел себя на операционном столе.

«Чёрт, умер я что ли?» — лишь подумал Дмитрий, как из конца туннеля донеслось:

— Ещё не умер, но иди к нам...

— Мама — изумился Дмитрий — Ты же...

— Да, да, верно. Иди к нам.

Будто от его желания, Дмитрия поймал какой-то ветер и понёс к матери.

Вылетев из туннеля, Дмитрий оказался в саду, а перед ним стояли: мать, отец, бабушка, друзья и добрые знакомые, которые тоже умерли много лет назад.

— Мама? — ещё раз изумился Дмитрий.

— Я.

— А где это мы?!

— А ты не понял?

— В раю?!

— Оборви нить и мы тебе всё покажем.

— Какую нить?

Из дальнейшего диалога со всеми этими дорогими ему людьми, Дмитрий понял, что ещё не умер. С жизнью его связывает тонкая ниточка, паутинка. Её-то и просили, советовали порвать родные сердцу Дмитрия люди. И он уже потянул за паутинку, не только потому, что хотел остаться с этими людьми. А об этом он даже мечтать не мог. Но его манил этот слепяще-нежный свет. Вдруг иная мысль мельнула и тут же материализовалась.

— А как же дети? Аня с ними одна не сможет, — сказал Дмитрий.

— Они все скоро сюда придут, — ответила мать Дмитрия.

— Они тоже скоро умрут?! — взвопил Дмитрий.

— Все когда-нибудь умрут, — спокойно нежным тоном ответила мать. — Тут вечность. Тут времени нет. Ты и не заметишь, как наступит их черёд. А теперь пойдём гулять.

Дмитрий никогда не мог отказать матери, когда она просила таким нежным, ласковым и в то же время настойчивым тоном. Он дёрнул нить.

И свет в саду погас. Свет был только внизу. Дмитрий посмотрел туда. Там его тело накрывали белой простыней.

— Добро пожаловать, — сказала мать и переменилась в голосе, — в ад.

— Что? Не понял — отрывая взгляд от меркнущего экрана со своим телом.

Перед ним не было ни матери, ни отца, ни знакомых, да и свет был уже иным. Каким-то мерзким.

— Добро пожаловать в ад! О, как вас легко обмануть! — смеялся голос, чем-то похожий на голос Фантомаса из фильма, что Дмитрий смотрел в детстве. — Сколько тысяч лет вы покупаетесь на одно и то же. Уж как-то скучно вас и обманывать, — проговорил голос, уже не похожий на голос Фантомаса.

Голос был не похож ни на какой другой голос. Да и голос ли это, Дмитрий уже не знал.

— А где рай?! — прокричал Дмитрий, но его голоса уже не было слышно.

Как не было слышно и других голосов. И ни матери, ни отца, ни света. Ничего! Никого! Только смех. Дьявольский смех...

Графика

ЮБИЛЕЙ БОЛЬШОГО УЧЕНОГО И КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Мое сотрудничество с выдающимся деятелем современного эклибрисного движения Вениамином Викторовичем Худолеем началось более двадцати лет назад. На первых порах оно протекало исключительно активно и плодотворно. Достаточно сказать, что мы за короткое время провели в Ленинградском клубе эклибрисистов и любителей графики цикл заседаний, на которых показали содержательные и яркие выставки эклибрисов и станковой графики. На них мы не только представили творчество известных мастеров искусства графики XX века М. М. Верхоланцева, Г. А. Кравцова, Ф. Д. Молибоженко, В. Ю. Розенталя, М. Л. Фрама, Н. Ф. Шамрилы, но и познакомили с выдающимся коллекционером Б. М. Тениным и знаменитым собирателем эклибрисных талантов страны Я. Л. Бейлинсоном.

К великому сожалению, в последнее десятилетие ушедшего в историю века были порушены не только подобные культурные контакты, но и вся наша жизнь. Только время покажет, какие потери понесла отечественная культура в те зловещие годы...

За прошедшее время В. В. Худолей вырос в крупнейшего деятеля международного масштаба не только в науке, но и в культуре. Предположить это можно было еще четверть века назад, видя, какой незаурядной энергией и могучим интеллектом обладает этот человек, наделенный к тому же щедрой природой харизмой лидера и прирожденного руководителя. Само появление в рядах эклибрисистов такого крупнейшего ученого невероятно способствовало росту престижа эклибрисного движения нашего времени. Тем более, что Вениамин Викторович Худолей не только стал успешно руководить ведущим в СССР Клубом эклибрисистов, но и очень быстро поставил на научные рельсы изучение искусства эклибриса, основы которого заложили в начале XX века У. Г. Иваск и В. А. Верещагин.

Уже один перечень научной и общественной деятельности В. В. Худолея создает впечатление, что это результаты напряженной деятельности нескольких Национально-исследовательских институтов, а не одного человека. Судите сами:

Заведующий отделом в НИИ онкологии;

Директор Центра независимой экологической экспертизы РАН;

Профессор ряда университетов, институтов, агентств за рубежом;

Активнейший деятель отечественных и международных федераций, ассоциаций и конгрессов эклибриса, искусствоведов и библиофилов;

Главный редактор «Российского эклибрисного журнала», член редколлегии английского журнала «International Bookplates», альманахов «Невский библиофон», «Библиофилы России», газеты для коллекционеров «Миниатюра». И человек, с такой общественной загруженностью, находит время и для многогранной исследовательской работы: Худолей автор нескольких книг, альбомов, сотен аналитических статей по книжной графике и эклибрису. А ведь академик В. В. Худолей является крупнейшим ученым, обогатившим современную биомедицинскую науку основополагающими трудами в области сравнительно-эволюционной и экологической онкологии. Доктор медицинских наук Худолей автор 15 монографий и

около 500 публикаций по онкологии, экологии и генетике. И это далеко не все, чем занимается в своей жизни этот уникальный труженик.

Выдающиеся заслуги Вениамина Викторовича Худолея во всех областях его подвижнической деятельности высоко оценены не только на Родине ученого, но и за рубежом. Так, ученый награжден серебряной медалью им. И. П. Павлова «За развитие медицины и здравоохранения» и почетным знаком «За заслуги в развитии науки». Особо отмечен В. В. Худолей и как великий коллекционер и популяризатор искусства книжного знака.

Он награжден медалями FISAЕ «За пропаганду искусства экслибриса им. Дж. Мантеро», «За вклад в исследования в области книжного знака им. У. Г. Иваска» и «Памятной медалью им. Ивана Федорова».

Особо отметили большие заслуги В. В. Худолея в экслибрисном движении нашего времени и многие крупные художники современности, в том числе и зарубежные. Они создали на имя замечательного коллекционера, собравшего одну из самых значительных коллекций произведений искусства экслибриса, более 110 книжных знаков, среди которых немало настоящих жемчужин.

Дорогой Вениамин Викторович!

Шестьдесят лет тому назад в городе Кенигсберге ты появился на свет Божий, вскоре после Победных салютов 1945 года. Как известно, по гороскопу это был Год Петуха. Думаю, что это обстоятельство многое определило в твоем поистине бойцовском характере и многогранной одаренности.

Позволь этот экспромт в честь твоего славного юбилея завершить здравицей по христианскому обычай:

Многая Лета, дорогой Друг!
Храни тебя Господь Бог наш!

Твой Виталий БАКУМЕНКО

НАШ ЛАУРЕАТ

Новый художник-лауреат нашего журнала — известный мастер Николай Неймеш. Он живет в Украине. Родился Николай Степанович в 1948 году. Выполнил более 400 экслибрисов. Он лауреат, дипломант многих российских, украинских и международных конкурсов. Публикуем новые статьи художника.

Николай НЕЙМЕШ

БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ

Не умение писать красками, рисовать с натуры делает человека художником. Сколько студентов, научившихся отлично передавать сходство, цвет, объем, так и не стали художниками. Потому что, кроме всего прочего, для этого необходимо творческое начало в человеке и особая работа мозга, когда на подсознательном уровне, параллельно с личной жизнью твоей, идет непрекращающийся процесс сбора и накопления информации, чувств, наблюдений, необходимых для работы. Творческое начало, талант — это и есть Божий дар. Искра, заложенная в тебе, иногда может тлеть, не досаждая особо, пока не вспыхнет ярким пламенем, превращая человека в творца.

Сергей Парfenов родился 4 октября 1958 года на Смоленщине. В раннем детстве он переехал с родителями в Ставропольский край и теперь проживает в городе с редким названием Благодарный.

Рисовал Сергей всегда, сколько себя помнит. В школе картинки про войну срисовывал, делал стенгазеты, но больше всего любил читать книжки, отдавая предпочтение иллюстрированным. После восьмого класса поступил в строительный техникум, поскольку еще не ощущал внутренней потребности быть художником. Божий дар до поры до времени не тे-ребил душу. Получив диплом строителя, Сергей Парfenов пошел служить в армии. После года службы на границе Грузии с Турцией, попал в штаб, где, кроме работы с картами, пришлось заниматься и оформлением «ленинской комнаты». Тут и начала разгораться творческая искра, данная Богом.

После службы в армии, позанимавшись в изостудии при Ставропольском художественном музее, Сергей Парfenов поступил в местное художественное училище. После окончания училища он работал в торговой рекламе, преподавал в художественной школе. В 1987 году Сергей Парfenов принял решение получить высшее образование и поступил в Краснодарский Государственный университет на художественно-графическое отделение.

К этому времени Сергей Парfenов уже основательно поработал над созданием экслибрисов. Интерес к этому виду искусства все больше и больше увлекает его. Книжный знак становится, по признанию самого художника, способом общения, самовыражения в творчестве и получения новых знаний.

Творческий процесс у каждого свой. Сергей пишет: «Я работаю с экслибрисом, забыв о правилах, законах, расчетах — только на чувстве: нравится, не нравится, интересно, не интересно. Хочу надеяться, что знания правил сидят внутри и подспудно контролируют меня».

Ситуация, возникшая в стране в 90-е годы, открыла для всех художников возможность участвовать в международных выставках. Сергей не упустил такую возможность и стал участником выставок во многих зарубежных странах.

За годы творчества Сергей Парfenов создал в технике линогравюры и офпорта около 400 книжных знаков. Они часто воспроизводятся в каталогах выставок, в книгах, альбомах в нашей стране и за рубежом. Все они несут почерк их создателя, его своеобразный стиль

эмоциональной резьбы и рисунка. Вот пример — экслибрис для художника И. Глазунова. Несложный по композиции знак, но посмотрите на изображение Достоевского. В портрете сохранено сходство, и в то же время это парфеновский Достоевский, и в характере писателя и в видении его образа. Это характерно для всех, созданных художником портретов.

Гравюры Сергея Парфенова искренни и своеобразны. Так, в экслибрисе для автора этих строк изображена Мадонна с младенцем. Это не классический реализм, с его фотографической подачей, но как передана в нем любовь и нежность матери к ребенку. Здесь чувство, пластика и композиция объединены в единое целое, со свойственным ему своеобразием.

Посмотрите, с каким юмором и ироничностью исполнены экслибрисы на библейские темы. Вот сюжет «Похищение сабинянок» для коллекционера Сергея Брехова. Воин несет свою «добычу», взвалив ее на спину, по-хозяйски, деловито поддерживая, чтобы не сползала. Трогательная забота. Тяжко нести, да нужно... Видимо, поэтому Дева и не в панике, не возмущена, скорее, напротив... Удобно устроившись, она мечтательно, закатив глазки, вертит в руке цветок в предвкушении...

Одному данного Богом хватает на две, три работы, другому и до конца жизни не успеть израсходовать все. Раздавая талант, Господь не отмеривает всем поровну. Поэтому среди нас находятся и способные, и талантливые, и гениальные. Вот только расставить всех по заслуженным местам может лишь Время. Нужно только подождать немного.

г. Харьков

Николай НЕЙМЕШ

ЭКСЛИБРИСЫ НА СЮЖЕТЫ БУЛГАКОВА

Как известно, Михаил Афанасьевич Булгаков родился в 1891 году в Киеве в семье ученого-священнослужителя. Однако отец не пожелал дать своему первенцу духовное образование. Будь иначе, возможно, М. Булгаков и не написал бы свою знаменитую и загадочную книгу «Мастер и Маргарита». В 1916 году Михаил Булгаков заканчивает Киевский университет и получает диплом «лекаря с отличием». На следующий год происходит революция, ей он обязан увиденным вживую... Социальные катаклизмы дали ему богатейший материал для пьес и рассказов. Переезжая в 1934 году в Москву, М. Булгаков не думал, что она станет для него как бы неофициальной ссылкой... «Временные трудности», отсутствие квартиры (жил в общежитии), компенсировалась начальным успехом его произведений. Был написан роман «Белая гвардия», а затем пьеса «Дни Турбинных». От нее был в восторге сам Станиславский, да и Сталину, набиравшему политическую силу и уже подминавшему под себя страну, пьеса чем-то нравилась и он не раз ее смотрел. Но в дальнейшем возникает непонимание, невосприятие новых произведений Булгакова. Писатель теряет работу, мечется в поисках новой — безрезультатно... После отчаянного обращения к правительству и телефонного разговора с ним Сталина, он получает штатную должность в Художественном театре. Тем не менее, ни в литературных, ни в театральных кругах М. Булгаков так и не стал своим... Как бы там ни было, но Булгаков начинает писать свой последний роман «Мастер и Маргарита». В нем мистика и жизнь сплетены воедино. М. А. Булгаков знал, что роман не будет издан при его жизни и работал над ним до последних дней. Писатель умер в 1940 году, а его роман «Мастер и Маргарита» был напечатан в сокращенном виде лишь в 1966 году.

К нам на занятия в Художественное училище журнал «Москва» с публикацией «Мастера и Маргариты» принес мой друг-сокурсник Валерий Петрикин. Опоздав на урок, он ввалился в аудиторию с горящими, чуть навыкате глазами, и радостно провозгласил: «Ребята, я такое принес!».

В моем творчестве М. Булгаков появился в 1989 году. Некоторые мысли возникали и ранее, но реализовались они, когда известный коллекционер из Вологды Сергей Птухин заказал экслибрис «по Булгакову». Тогда и явился на свет книжный знак с Маргаритой, уже превратившейся в «гонорову» ведьмочку, которая с изdevкой дразнит халатиком Николая Ивановича... В ССР изображение обнаженного тела на официальном уровне не приветствовалось, но в 90-х годах произошли всем известные перемены... И вот ко мне обратился собиратель из Тулы Э. Д. Гетманский. Он попросил создать для него экслибрис с элементами эротики по Булгакову... Я был немало удивлен, зная его добrotно изданные каталоги на ленинскую и революционную тематику... Значит, действительно свершился «прорыв», если коллекционер такой направленности «открывает» для себя М. Булгакова и его удивительных героев, пусть и в таком ключе. Я вырезал для Гетманского книжный знак с юмористической «начинкой»: власть символизирует бумага с изображением Кремля. В бумаге уже пределана дыра... В знаке заложена идея: увидел и ошелел...

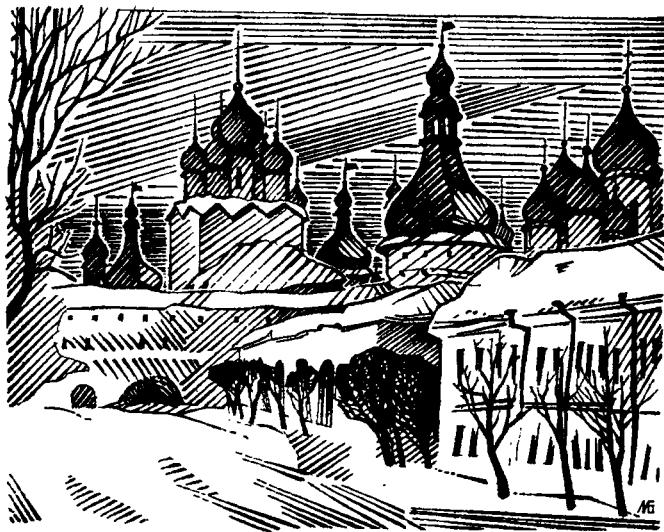
Повторное возвращение к Булгаковской теме «спровоцировал» фильм «Собачье сердце», с удивительным актером Е. Евстигнеевым в главной роли. Со временем мною было сделано три книжных знака на эту тему. Один книжный знак меня разочаровал и я не тиражировал его. Ограничился несколькими оттисками. Недавно, просматривая свой архив, обнаружил чудом сохранившийся оттиск. Захотелось знак решить по-новому. Я никогда не тороплю себя. Могу днями, неделями посматривать на знак, не касаясь его. Идея приходит сама, спонтанно. А уж потом включаются анализ, воображение, и я с карандашом в руке дорабатываю, улучшаю композицию.

На сей раз «смотрины» оттиска затянулись на месяц. Я даже успел вырезать еще один экслибрис, прежде, чем родилась идея ввести в композицию окно — за спиной профессора

Преображенского. Ведь дело происходит в помещении, — думал я, — да и желательно ему быть темным, поскольку это акцентирует внимание на светлом силуэте профессора. Тем более, что герой-то положительный. Темная вертикаль в центре знака объединила и боковые детали в композиции, сделав ее более цельной. Вот только текст внизу все еще «мельтишил». Многовато его было. И тогда я избавился от полного написания слова экслибрис, заменив его на сокращенный вариант из двух букв EL, которые укрупнил и сделал их опорами для лежащих тел. Композиция преобразилась, хотя оставалось непонятным — в какой стране происходит событие. А это важно! Кремль всегда символизировал страну Советов. Как же без него? Так в экслибрисе появился Кремль. Теперь и идея знака и композиция получили логическое завершение. Этот экслибрис стал моим подарком ко дню рождения Виталия Бакуменко, земляка и коллекционера, пропагандиста книжного знака.

Борис МАЛИНИН, Москва

Михаил ВЕРХОЛАНЦЕВ

ОН ПОЛОЖИЛ БОЛЬШОЙ ТАЛАНТ К НОГАМ СВОЕЙ ЛЮБВИ

Мы познакомились в студенческом общежитии в конце пятидесятых годов. Слава Лукашов был весёлый и подвижный малый. У него был длинный гибкий торс и длинная толстая шея. Руки тоже были длинные и жилистые. Такие люди обычно обладают средним голосом или басом, но Слава разговаривал высоким тенорком и даже любил пародировать ортодоксальных теноров, притом очень комично ухитряясь имитировать перманентное дыхание. Эти номера всегда вызывали всеобщее веселье, и только его жена почему-то раздражалась спектаклем. Может быть, из-за неподражания певца-имитатора в «маску».

Походка у него была гусиная, как у Игоря Нетто, знаменитого советского футболиста, и мне всегда казалось, что Слава сиё и утирует эту раскачку, из вечного желания скоморошиничать.

Ежедневная беготня, шкоды, борьба и драки были тогда нормой студенческого общежития. Я был свидетелем борцовской схватки Славы Лукашова с однокурсником. Противник был тяжелее, но Слава изловчился бросить его через голову с молодецким прогибом, и бросил довольно далеко, так что тот, кажется, ушибся.

Этот незначительный эпизод сорокаletней давности следовало бы и забыть, но ведь на эту тему Слава награвировал мой любимый книжный знак для В. Д. Королюка. Он изобразил трёх борцов, символизирующих политические партии или, может быть, борьбу геополитических систем, в то время как историк-зритель, опершись на посох, с философским спокойствием созерцает эту борьбу.

Гравюра, на мой взгляд, очень красавая и, под видом академической серьёзности, прятал типично Лукашовский сарказм.

История её создания весьма интересна.

В 1970 году в Дом творчества «Челюскинская» прибыл знаменитый ксилограф Я. Бурмагин. Он пригласил к себе в гости В. Д. Королюка, а тот прихватил с собой Лукашова. Все трое были уже крепко пьяны, когда Королюк предложил Лукашову и Бурмагину творческое соревнование: «А давайте-ка, награвируйте-ка, ребятки, по экслибрису».

Художники в пьяном виде очень азартны и, потом, доктору исторических наук ведь не откажешь в «спустяковой услуге». Вот они и взялись за работу.

Николай Бурмагин награвировал свои привычные «маковки церквей и святых монастырей», а Слава Лукашов награвировал тот самый сюжет, о котором я уже говорил. Творческая победа, за явным преимуществом, должна была быть присуждена Славе. Это почувствовал и сам Бурмагин, набросившийся на Славу с яростными обвинениями в западничестве. Слава обычно выслушивал подобные менторские проповеди с безмятежно-лукавым добродушием. Лет десять спустя, Генриетта Бурмагина, уже одовевшая к тому времени, говорила мне: «Мы, Бурмагины, и Толя Калашников происходим стилистически от Транквилио Марангони, а вот вы, то есть Верхоланцев, Лукашов, Панин, Хараламов, откуда — негонято».

Но вернёмся к началу шестидесятых. Однажды подходит ко мне Лукашов с блондинкой, неуловимо на него самого похожей, оба расплываются в одинаково зубастой, от уха до уха, улыбке и объясняют, что они — муж и жена. Его молодую жену я видел и раньше. Она училась в Текстильном институте, куда мы, строгановцы, ходили на танцы, и была звездой институтской художественной самодеятельности.

Художественная самодеятельность, теперь ошельмованная и освистанная, как и многое, связанное с ушедшей коммунистической эпохой, была, между тем, великолепным методом культурного воспитания трудящихся и мощной защитной дамбой против поп-культуры. Но она приносila и вред. Государство тратит деньги, например, на обучение химика-технолога, глядь, а он уже вовсе и не химик, а эстрадный комик. Вот и Светлана Лукашова, окончив Текстильный институт и научившись заодно прекрасно петь, не оставляла мечты о певческой карьере, работая художницей на Трёхгорной мануфактуре. Вскоре она поступила в Музыкальный институт имени Гнесиных.

Слава Лукашов обожал жену и гордился её талантом. Я часто бывал в гостях у молодых в эту счастливую пору их жизни, втайне надеясь познакомиться с какой-нибудь Светиной

подругой-певицей. Слава тогда сиё не гравировал, но зато много писал маслом и темперой. Его дерзкие и весёлые композиции напоминали «Рассю» Бориса Григорьева — в них было нечто насмешливое. Он часто рисовал и Свету, но в этих случаях его озорной талант вдруг куда-то стыдливо прятался...

Как бы ни сложилась семейная жизнь, (был ли финансовый успех или супруги жили взаймы, была ли популярность или тебя уважали два, три товарища-художника), но если один из супругов любил, значит, этот святой человек был счастлив всю жизнь. Таким счастливцем был Слава Лукашов. Не верьте пышным рассказам никакого Казановы, знайте, он, Казанова, мечтает полюбить на всю жизнь только одну женщину, но какие-то досадные нелепости, а вероятнее всего, его собственная слабость мешают этому.

Когда наступили семейные будни, Слава взялся зарабатывать книжной иллюстрацией. Он избрал самый трудоёмкий способ иллюстраций — гравюру. Другой способ, не менее трудоёмкий — имитация гравюры, процарапывание рисунка на мелованной бумаге, загрунтованной чёрной краской, метод, так любимый Вернером Клемке, был также любим и Славой.

Нет смысла перечислять редакции и издательства, с которыми сотрудничал В. Лукашов, но необходимо упомянуть издательство «Современник». Дело не только в том, что книжная редакция «Современника» любила Лукашова-художника, а многие ее сотрудники были друзьями Славы, главное в том, что все они были убеждёнными «почвенниками», если только можно так назвать современных патриотов. Лукашову доводилось иллюстрировать поэтов и писателей «деревенщиков». Делал он это с комической прямолинейностью, с шутовской серьёзностью, и мне всегда казалось, что он подтрунивает над ними, понимая невозможность сохранить крестьянскую Русь средствами искусства.

Сознаюсь, в былые времена у меня было предубеждение к писателям и поэтам «деревенщикам». Ведь пора А.К. Толстого и Аксаковых давно миновала. Трудно было даже представить, как это можно иллюстрировать Егора Исаева или Владимира Соловухина. Только теперь, наевшись до тошноты всего американского и привыкнув к холуйской моде третирования всего русского, поневоле начинаешь понимать, как правы были «деревенщики», даже прижимавшиеся к тогдашним властям.

Большинство художников было настроено оппозиционно к партии и правительству, однако, это большинство владело всеми лукавыми приёмами верноподданнического «суворового стиля», чтобы существовать безбедно.

Так или иначе, книги, иллюстрируемые Славой в «Современнике», давали стабильность.

Так он трудился, не разгибаясь, долгие годы. Он создал большое количество красивых гравюр. Если окинуть беглым взором всю ретроспективу его графики, то покажется, что он, Лукашов, мало выделяется среди монотонного ряда добрых последователей Фаворского, будто на его знамени был начертан извечный русский девиз: «Не высовывайся». Но следует внимательно присмотреться к его гравюрам, тогда обнаружишь много уникальной красоты, остроумных находок, ненатужного юмора и, самое главное, сердечности, свойственной только выходцам из провинции.

Он очень любил свой дом. В творческих потоках в «Челюскинской» он чувствовал себя неуютно, на людях работать не любил, но в весёлых попойках и танцах принимал активное участие. Я видел, как он плясал. Он импровизировал очень ловкие, немыслимые, неистовые коленца, как царь Давид перед Ковчегом Завета, но всегда чувствовал за спиной укоризненный взгляд своей Мелхолы.

Если бы его жена была не так талантлива, если бы она не была по своему характеру конформисткой, если бы он не любил её так преданно, тогда он, может быть, и расправился. Он стал бы работать широко, дерзко и свободно, как работал в молодости. Разумеется, он никогда не стал бы новым Ильёй Кабаковым или Владимиров Янкилевским, потому что он был скромен и застенчив.

Он был невысокого мнения о своих работах. Кажется, он никогда не выставлялся.

Он положил большой талант к ногам своей любви.

Возможно, мои наблюдения поверхности: Слава Лукашов ведь никогда не открывал мне свою душу, боясь, как бы не куснул я её случайно, и я, в свою очередь, старался не выворачиваться перед ним наизнанку, опасаясь его насмешек.

Журнал ищет спонсоров

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

43

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин,
М. А. Полетова, М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: Вологда, ул. Герцена, 36. Союз писателей.
Вячеславу Белкову

Сдано в набор 20.04 Подп. в печать 2.05.06.
Заказ № 802

Вологда
2006

43